

Алексей Злобин

19 февраля прилетел на съемки в Одессу. Подходя к отелю, увидел на двери афишу: «22 февраля ... Герман». Почему-то на афише было женское лицо. Подойдя ближе, прочел: состоится концерт памяти знаменитой певицы, 22-го — в годовщину смерти моего отца. А 21 февраля ранним утром телефонный звонок — умер Герман. Они с отцом были однокурсниками. Я почти уже написал книгу о нем, теперь придется переписывать. Почему? Потому, что он уже ее не прочитает, и еще, как сказала Ахматова:

Когда человек умирает, Изме няются его портреты. По-другому глаза глядят, и губы Улыбаются другой улыбкой.

Памяти Алексея Юрьевича Германа

Фотографии со съемок фильма с рабочим названием «Трудно быть богом» безвозмездно предоставлены Сергеем Аксеновым

Леша, моторь площадку!

из интервью Алексея Злобина французскому журналу 2009 г.

фильма, который задал предельную планку как для художественного языка, так и для поставленных в нем вопросов, мы с нетерпением ждем новую, грандиозную по масштабу картину — «Трудно быть бо-

Да. Работа, начатая в прошлом ант сценария. веке, идет до сих пор, уже более десяти лет. И то, что я видел в фильм еще в шестидесятые? процессе, хоть и в отдельных кава — шедевр.

ственно отвечал за организацию и ведение съемочного процесса?

Совершенно верно. У Германа был отряд режиссеров, каждый тировали с типажами, второй режиссер планировал съемки, а я рулил площадкой.

экранизация повести братьев Стругацких. Скажи, фильм сильно отличается от повести?

Повесть написана в 63 году. Тогда в СССР после разгрома Пушкин. культа личности Сталина вовсю припекала Оттепель, настроения были самые возвышенные и романтические. И герой Стру- лева» Германа спросили, есть гацких — романтический герой, этакий Д'Артаньян, победитель быстро снять. И Герман ответил

После «Хрусталев, машину!», страшного и жестокого «Черного ордена». Этой повестью авторы прощались с эпохой фашизма и тоталитаризма, они верили, как и все их поколение, что кошмар не повторится. Их позже назвали «шестидесятниками». Тогда же Герман и написал первый вари-

Он должен был снимать этот

Фильм запустили в производдрах — не побоюсь громкого сло- ство летом 68-го, в августе наши танки вошли в Прагу – иллюзия Ты как ассистент непосред- светлого будущего рухнула, а картину закрыли до начала съе-

Почему?

В повести планету Арканар заотвечал за свое. Стажеры репе- хватывают монахи, «Черный орден». Ну как могли дать Герману это снять, когда мы оккупировали Чехию? Сказка шестидесятников «Трудно быть богом» — это о шестидесятниках осталась не снятой. Забавно, что картину спустя тридцать лет начали снимать именно в Чехии. «Бывают странные сближенья», как говорил

То есть сценарий был написан сорок лет назад?

Да. А в 98-м, после «Хрустали сценарий, который он может

биография

Алексей Юрьевич Герман (20 июля 1938 — 21 февраля 2013) советский и российский кинорежиссёр, сценарист. актёр и продюсер: народный артист Российской Федерации, заслуженный деятель искусств РСФСР. Родился в Ленинграде в семье писателя Юрия Павловича Германа и Татьяны Александровны Рит-

В 1960 г. окончил режиссерский факультет Ленинградского театрального института, мастерскую Александра Музиля. В 1961-1964 гг. работал в Большом драматическом театре им. Горького с Г. А. Товстоноговым.

С 1964 Алексей Герман работал на киностудии «Ленфильм» сначала вторым режиссером, затем сорежиссером (к/к «Седьмой спутник», с Гр. Ароновым), В 1968 году Герман должен был запуститься с первой самостоятельной картиной по мотивам романа братьев Стругацких «Трудно быть богом», но после событий Пражской весны» на сценарий фильма был наложен запрет.

В 1971 году Герман заканчивает работу над фильмом под названием «Операция "С Новым годом!"», снятым по повести отца, Юрия Павловича Германа, Дебютная картина легла на полку на 15 лет и вышла в

прокат только в 1985 году под названием «Проверка на дорогах». В 1988 году фильм получает Государственную премию СССР.

Вторая картина Алексея Германа Двадцать дней без войны» (1976) дошла до зрителей почти сразу благодаря заступничеству маститого советского писателя Константина Симонова, чья повесть легла в основу фильма. В 1986 году и этот фильм Германа получает премию.

В 1979 году режиссер приступает к съемкам фильма по повести своего отца

«Начальник опергруппы». И этот фильм Германа ожидала непростая судьба. Фильм вышел на экран в 1984 году минимальным количеством копий под названием «Мой друг Иван Лапшин». После его выхода в газетах появилась серия публикаций о «Лапшине, который так и не

В 1990 году Алексей Герман организовал Студию первого и экспериментального фильма (СПиЭФ) и стал ее художественным руководителем.

В 1998 году выходит «Хрусталев, машину!». Фильм попал в конкурсный показ в Канны и был там освистан, но позже был включен в список 100 лучших кинокартин XX века.

В том же 1998 году А.Ю. Герману был вручен орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени, затем премия имени Сергея Довлатова. Орден почета «За большой вклад в развитие отечественного кинематографа и многолетнюю творческую деятельность» был получен Германом в 2008 году.

В 2000 году Алексей Герман приступил к съемкам картины по роману братьев Стругацких «Трудно быть богом» и работал над ней до конца жизни.

«есть». Но когда перечитал ва- делен сверхсилой, которую не имериант 68-го года, то понял – все ушло, все другое, сменилась эпоха. И стал переписывать.

В чем же сущностное отличие - в сюжете?

Нет – в духе. И в поставленных проблемах. Уже нет места романтике и надежде, сценарий — о страхе за будущее, о неотвратимости зла. Тоталитаризм и жестокость повторятся. Шестидесятники полагали, что применение силы простительно в борьбе со злом, Герман говорит: ничего подобного, все гораздо страшнее, потому что демоны, заставляющие человека убивать — в этой мысли до конца — в предел вершится злу и т.д. И нет ответа, мы

ет права применять. «Трудно быть богом» — рабочее название. Уже в начале съемок Герман придумал другое: «Что сказал табачник с Табачной улицы». Слуга героя, простак и болтун, всякий раз повторяет: «Один мой знакомый табачник с Табачной улицы сказал...», но никогда не успевает закончить фразу. И с каждым поворотом сюжета фраза становится все более значимой, потому что мы ждем ответа: а что делать в ситуации окружающей тебя жестокости и лжи, что делать, когда ты должен подавлять в себе гуманную потребность вмешаться нем самом. И в прохождении по в исторический процесс, не дать со-

отчаяния и честности — Герман беспощаден, в первую очередь к самому себе.

«Трудно быть богом» – трудно уберечь в себе божественное начало. Об этом картина, да?

Гуманизм героя трещит по швам от испытания к испытанию, а он натак и не узнаем, что сказал этот Табачник. «Трудно быть богом» — это ответ и ответ неточный, потому что точный ответ невозможен. А вот «Что сказал Табачник...» все-таки вопрос, горький иронический вопрос. Но сейчас Герман отменил и это название, дал другое.

Какое?

«Хроника Арканарской резни». А братья Стругацкие принимали участие в работе над картиной?

Нет. Все права были переданы Герману и все. И если говорить об способен увлечь других. Герман, изменениях, то осуществлялись они в три этапа – в многократном переписывании сценария до начала съемок, потом в течение года подготовки — в пробах, а потом — в самих съемках.

Поясни, пожалуйста.

Когда сложился окончательный вариант сценария, Герман начал пробы. Это были не столько пробы актеров, сколько черновики самого фильма, эскизы. Герман разрабатывал сцены в предельной приближенности к условиям съемок: подробнейшие декорации, костюмы, гримы, долгая работа с текстом все это шло в сценарий. Из материала проб можно смонтировать несколько полных версий картины. А когда уже снимался фильм, снова шли изменения. Герман в ходе съемок мог зацепиться за какое-то его «кухню», в его творчество и лицо или деталь, и потом вырастала целая линия в киноповествовании.

Ты был ассистентом, отвечал за площадку. Трудно было с Германом?

и себя и нас! Полтора года подго- ствует на зрителя, собирается из товки! Никто не верил, что съемки начнутся. Но на итоговой пробе с коллективом, который этот кадр массовкой в 150 человек, каскадерами, лошадьми, пиротехникой, огромным краном – зимой на бе- зом – золотой фон, и в нем неразрегу обледеневшего Финского залива — я испытал такой маршаль- вся энергия громадного съемочного ский азарт, что всю эту махину, коллектива от сценариста до рабоэту армию надо двинуть и вести чего, конечно, передается в кадр. куда-то, куда Герман скажет. А Сила кадра — сила человеческая, Герман сказал: «Леша, моторь пло- поэтому каждый важен.

щадку!» Главное в процессе съемок — непрерывная поступательная энергия и общая осознанность задачи. И я захлебнулся от счастья, когда понял, что держу процесс и как режиссер, вытаскивает из каждого сотрудника на площадке все его потенциальные возможности. Это касается не только творческой бригады фильма, это всех касается. Не было ни одного праздно шатающегося или случайного человека, начиная от оператора — до последнего рабочего. Как-то Герман среди ночи позвонил и начал разговор так: «Я не сплю и ты — не спи!». Он каждую приходящую мысль проверял на нас — остановит, спросит: «Как тебе кажется, я вот придумал деталь», — и расскажет деталь. А ты: «Ух, здорово придумали, Алексей Юрьевич!» А он: «Никому не говори!» Это страшно льстило и обязывало. А через пять минут он эту придумку кому-то еще рассказывал. Мы все были вовлечены в тревоги. По-моему, только так и может делаться настоящий фильм.

А разве важно – чтобы все были вовлечены в процесс?

Сила кадра, которая может быть Невозможно, он всех замучил, даже незримо, не визуально воздейтого, что происходит со всем живым создает. Это — обратная перспектива кадра. Как у иконы, где за Обраличимо предстает Создатель. Так и

автора!

Дорогой Алексей Юрьевич,

как-то еще на пробах Вы мне скавали: «Лешка, запомни: меня любить это не профессия». Что ж, видимо я так и не стал профессионалом.

Я вас люблю и помню. Спасибо у меня есть планка, уровень. Жить с ним трудно, почти невозможно – не знаю, порадует ли это Вас – спасибо.

Злобин Алексей Евгеньевич режиссер театра и кино, актер, педагог.

Родился в 1972 году в Ленинграде.

Окончил отделение русской филологии и культуры РГПУ им. А. И. Герцена, режиссерский факультет СПбГАТИ (Театральная Академия).

Работал педагогом: обучал дошкольников чтению по методу Н.А. Зайцева, проводил педагогические и литературные семинары, преподавал литературу в старших классах и актерское мастерство в СПбГАТИ.

Снялся как артист более чем в десятке **фильмов.** Работал ассистентом в театре / П. Фоменко, в кино v А. Сокурова, А. Германа, режиссером на картинах Э. Рязанова, С. Бодрова (мл), Р. Хруща, Н. Лебедева, И. Вырыпаева, Славы Росса, Г. Параджанова и др.

Поставил ряд спектаклей в театрах Москвы, Петербурга и других городах России. Автор нескольких короткометражных фильмов и десятка полнометражных, короткометражных, документальных и анимационных сценариев, а также поэтических сборников, повестей и рассказов.

С 2003 года живет в Москве, Основал с Ириной Евдокимовой творческий проект «АРТГНЕЗДО» (www.artgnezdo.com).

Перепрыгивая лужи, мчусь в просмотровый зал, бегу — боже, какая юность!

После просмотра спрашивают:

- Ну как?
- Я, пожалуй, недельку помолчу.
- Много юмора в картине, правда?
- Чего, переспрашиваю? Это не кино, а расстрел в упор, контузия взрывом.

1 сентября 2010 г. Начало учебного года, я снова выбрал ученичество. Месяц назад позвонил Герман:

— Мы со Светланой сейчас в Германии, я после операции — устал, сил мало, надо заканчивать картину, делать озвучание — помоги.

И вот я в Питере. Через пару часов мы должны встретиться на студии.

Наш роман с Алексей Юричем всегда непредсказуем. Друзья спрашивают:

- Лешка, насколько уезжаешь?
- Может быть, на неделю, а может быть, и на год — как пойдет.

У тонателье № 2 под стеклянным потолком, обрызганные сентябрьским солнцем стоят, как постаревшая фотография, редактор Евгений Прицкер, звукорежиссер Николай Астахов, Нелли Аржакова и девочка-администратор; с чашечкой кофе у автомата притулился продюсер Виктор Извеков.

Светлана Кармалита впереди, а Герман идет как всегда с палочкой, но теперь по-настоящему тяжело.

— Здравствуйте, мои дорогие, как странно, что я вас вижу и при этом вы, кажется, меня тоже видите.

проза

Подошла сияющая после отпуска Ольга Багирова:

- Здравствуйте, Алексей Юрьевич. Как Вы постройнели, похудели!
- Да, теперь на три размера меньше гроб нужен — экономия, да? А мне, знаете, Володя Ильин приснился: такой лужок, солнечный, прохладный, птички поют, и нограмму, потом — все отобранное, бежит ко мне навстречу Володька, и тащит в руках две покрышки новеньких: «Гляди, Леша, что я достал, как раз для моей «Нивы», до чего же повезло!» И понял я, ребята, что это рай. А вот Светку в рай не пустят. Там, конечно, есть отделение для хохлов и даже гуцулов, в нем почему-то еще и овцы. Но её туда все равно не пустят.
 - Это почему же, Лешечка?
- Им нужен тот, кто ад вверх дном перевернет, а кто же, кроме тебя? Ну, все там готово?
 - Готово, Алексей Юрьевич.

Работа строится следующим образом. Сперва смотрим малюсенький кусочек сцены с черновой фонограммой — она считается наиболее точной. Потом прослушиваем пятьшесть дублей озвучания.

— Hy? — спрашивает Герман.

И мы по очереди называем номера дублей, показавшихся лучшими.

- А ты что скажешь, Маленькая? Маленькая — это помощник монтажера картины, ей оказано особое доверие за непредвзятость суждения и художественно не искалеченный слух.
- Маленькая, что-то ты грустная сегодня, томная какая-то, у тебя появился любовник или наоборот?

- Леша, что ты все к ней пристаешь?
- Молчи, Светлана, тебя она вообще крысой называет за глаза, правда, Маленькая?
 - Врете вы все, Алексей Юрьевич!
- Ну вот, я же говорил. Знаешь, мы тебе пояс верности наденем, и если жених появится, пусть сварку достает или автоген.

Снова слушаем черновую фопока не останется два дубля, из которых слепят один, прибавив к нему плевок из первого, хрюканье из четвертого, мычанье из шестого. И тогда уже слушаем смонтированный вариант.

Он перекрестился, чего прежде не бывало, кроме тех случаев, когда рассказывал что-нибудь невероятное, например:

— Вот те крест, у Ролки Быкова на ногах были когти, и он босиком по полу все стучал ими и пугал Светку. Потом, уже много после «Проверки на дорогах», он сказал: «Знаешь, почему я у тебя так хорошо сыграл, Леша? Потому что прежде я всегда играл начерно, а у тебя сыграл начисто». И я ответил ему: «Не думаю, Ролка, что ты у меня хорошо сыграл...» — а сам перед ним благоговел, он единственный в моей жизни, кого я считал и до сих пор ствующих: считаю гением.

Я сижу и потихоньку строчу в записную книжку. Как ругался Герман десять лет назад, что я ничего не записываю! «Не понимаю, как можно режиссеру без записной книжки обходиться?!» А я обходился, просто запоминал все-все по работе, было ярко, внятно и интересно - запоминал. Теперь он, наверное, украдкой

радуется, а знал бы, что я пишу то, что к делу вовсе отношения не имеет!

Он продолжает, а я записываю:

- Здесь, ребята, прежде кафе было. Как-то захожу, а в очередь за киселем несколько Лениных стоят, тогда на студии картин пять про Ленина снимали. Тут заходят Эрмлер и Козинцев, и все эти Ленины впали в образ, тянут руки к киселю, будто с броневика апрельские тезисы читают. А рядом проходит такой разоблаченный Сталин. И ассистентка к режиссеру подбегает: «Товарищ режиссер, скажите, а Сталина куда писать – в массовку или в эпизоды?» «В роли, дура!» «Почему в роли, это даже не артист?» «На всякий случай пиши в роли, мало ли что!» Мне Симонов рассказывал, что на XIX съезде партии, когда Сталин шел на трибуну, с него свалились штаны. И девять генералов бросились их подтягивать. А Сталин вышел и сказал: «Все, товарищи, после такого казуса пора уходить с поста». Так зал на колени встал — умоляли остаться. Мало кто из них потом выжил. У меня вот тоже штаны сваливаются и пиджак висит, как на чучеле, я стал каким-то гибридом Аполлона и индюка.
- Алексей Юрьевич, мы работать сегодня будем?

Герман оглядывает всех присут-

— Да, ребята, подросли вы, ведь еще детьми сюда пришли: Прицкер с ранцем, Малышка со скакалкой, Илья на трехколесном велосипеде, Злобин мотался туда-сюда, а начинал еще в ясельном возрасте, на помочах ходил с погремушкой, и даже Светка, такая юная, такая... повзрослели, да. Ну, давайте дальше слушать – еще колечко.

автора!

Алексей Злобин — режиссер театра и кино, родился в 1972 г. в Ленинграде

Снилось, что и я — один из учеников моего отца; забытое чувство — я всегда им завидовал. И теперь уже взрослый, и отца давно нет, иду один-одинешенек по громадному пустому зданию телестудии, выхожу на двор — рассвет. Может, иду после смены, ночной смены монтажа? На улице безлюдно, стою спиной к этому дому-кораблю, я, один из твоих, папа, учеников, и, тяжело вздохнув, произношу:

— Только вопросы, учитель, по-прежнему только вопросы.

Какие хорошие слова могут присниться — за ними ты и эта постоянно повторяемая

— Надо уметь задавать вопросы, мучить себя вопросами — это основа всего, начало профессии.

А недавно сын спросил:

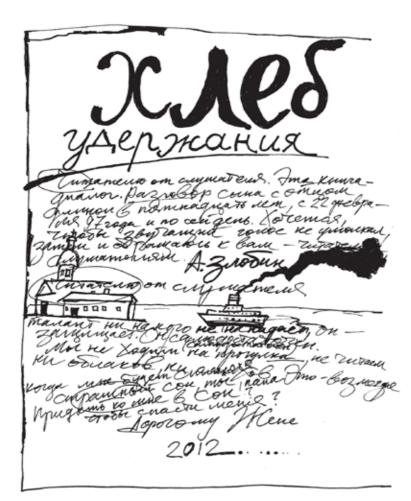
- Папа, почему ты хмурый?
- Да вот думаю, а когда меня не станет, как мы будем общаться, Женя?

И он, не раздумывая, ответил:

Как, как — по мобильнику.

18 апреля 2006

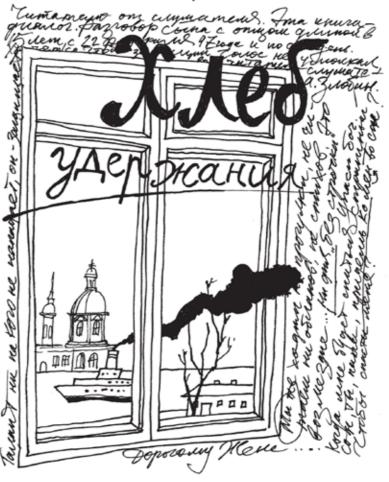

дневники, заметки, очерки и рассказы петербургского режиссера и педагога

Евгения Павловича Зпобина

Книжный шкаф

Евгений Злобин, Алексей Злобин

Эта книга — исповедальная проза, вычитанная сыном-режиссе- тое восприятие мира оказывается ром из дневников режиссераотца, петербургского интеллектуала и художника, в смутную эпоху сохранившего свое профессиональное и нравственное достоин- в самые драматические времена. ство. Художественное и режис- Учит стойкости и мужеству в крисерское обостренное восприятие, тические периоды нашей жизни. тонкий анализ и проникновенная грусть пронизывают эти записки: Оформил книгу замечательный наблюдения, описание людей и художник Борис Петрушанский. событий на фоне исчезающего Издание иллюстрировано фотопрошлого в миражащем Ленингра- графиями Е. П. Злобина.

де-Петербурге. Детски распахнуспособом не только сохранить, но и воспитать в себе человечность, любовь к ближнему, сочувствие к униженному и оскорбленному Работа над книгой велась 15 лет.

автора!

Евгений Злобин (1928-1997)

Я имел честь в 1960 году закончить режиссерский факультет ЛГИТМИКа. Ленинградского театрального института. Должен сказать, что курс Александра Музиля был группой на редкость достойных людей. Среди моих соучеников был и Евгений

У курса был один минус, он был угрюмоват — совместные вечера зачастую сводились к выяснениям, кто будет, кто не будет режиссером, у кого получится, у кого нет. Одна фигура ни у кого не вызывала сомнения. Все должно было получиться у блестящего и всегда веселого моего однокурсника Жени Злобина. Мне он казался наиболее способным из нас.

Да. может, так оно и было.

Кроме того, его всегда хорошее настроение вообще помогало всем существовать так, как мы существовали. Женя весь был направлен в счастье, успех, и ему очень шли бы аплодисменты. Он был добр и остроумен.

Капустник, который мы сделали у меня на квартире, с пародиями на Сталина, Берию и прочих, появись поблизости стукач, привел бы нас всех к беде. Капустник делал Женя — и пронесло. За аналогичный капустник по ВГИКе многие поплатились.

После института мы все разошлись; режиссура — дело индивидуальное.

Я потерял Женю из виду.

Иногда встречались. И все у него было

А потом он умер.

И я так и не понимаю, почему из Жени не вышел лидер. Очень жаль.

Алексей Герман, режиссер

«Я знал Евгения Павловича Злобина, знаю его сына Алексея. Читал с большим волнением, это замечательный человеческий документ, много говорящий уму и

Людмила Максакова, актриса:

«Хлеб удержания» — трепетный документ семейной преемственности. Мне исключительно близка и важна выраженная в ней тема предельного и творческого осмысле-

ния мира, воспитания в себе и в ребенке безусловного эстетического критерия, позволяющего не только «выживать» в каких бы то ни было исторических реалиях, но полноценно и осмысленно сохранять то, что мы называем культурой».

Александр Тимофеевский, поэт:

«К сожалению, наша жизнь устроена так, что между отцом и сыном, порой, встает стена. Книга «Хлеб удержания» является примером обратного. Я думаю, что она будет полезна и отцам и сыновьям, и, вообще, самому широкому кругу читателей».

Александр Чамеев, доцент кафедры зарубежной литературы:

«Атмосфера переломного, исполненного особого драматизма периода в истории города и страны — «перестройки» и лихих 90-х — воспроизведена зримо, выпукло, почти осязаемо. Книга-исповедь — свидетельство одной из граней таланта автора, его власти над словом. Это — проза выристичная, с первых страниц подкупающая пронзительной обнаженностью го и жестокого мира». признаний».

Андрей Козлов, протоиерей:

«Я прочитал эту книгу от корки до корки, местами по два раза. Вспомнились слова Победоносцева, что Россия — это большая ледяная пустыня, и по ней бродит лихой человек. Вся жизнь Евгения Злобина, как она описана в книге — это борьба с этими лихими. Эта книга — клад для потомков».

Геннадий Азриэль, друг семьи:

«Талант ни на кого не нападает, он защищает». О таланте самого Евгения Павловича точнее не скажешь. Своим солнечным огромным талантом он защитил не только себя, но и всех нас: от пошлости, фальши, подлости, косности, тоски. Какой бы болью ни отдавалась в нем окружающая жизнь, нравственный его фильтр очищал и облагораживал все пережитое, позволяя ему дарить счастье всем участникам и зрителям его спектаклей, прививать им надежный иммунитет от безысходности бытия».

Евгений Лунгин, кинорежиссер:

«Мой отец, сценарист Семен Лунгин, разделял мемуаристику на две категории — воспоминание и свидетельство. Высшим считал свидетельство, говоря: «В XXI веке — это будет главный жанр литературы». Дневники Евгения Павловича

Леонид Зорин, писатель, драматург: сокой пробы, искренняя, яркая, афо- бенно дорого, бесстрашной нежностью в описании окружающего несправедливо-

Алексей Крылов, протоиерей, настоятель Чесменской церкви:

«Эта книга тронула меня удивительным вниманием к происходящему, к периферии жизни, к фрагменту, к детали. Это школа взгляда, отношения, внимания. Иметь мужество жить во времени — вот, мне кажется, бесценный опыт этой книги».

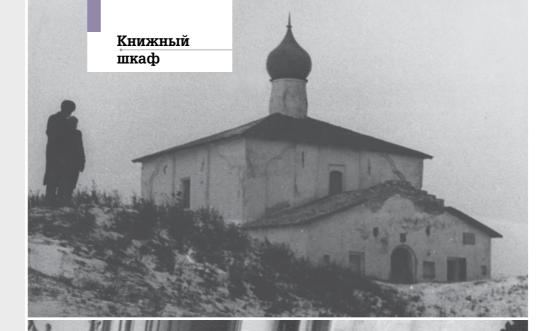
Михаил Левшин, художественный руководитель театра «Комедианты»:

«Эта книга открыла мне огромный, горячо узнаваемый и удивительно доселе неизвестный мир. Мало кто из нас особо заботился наблюдать, фиксировать, свидетельствовать такое незаметное для нас время нашей жизни. И теперь вдруг обретаешь громадную ценность воздуха, атмосферы — времени. Главная задача режиссера — выразить время. Перед нами пример высокой пробы решения этой задачи».

Илья Авраменко, кинодраматург

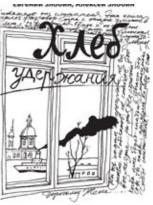
В наш век, когда кинематографом занимаются маляры-штукатуры, литературой следователи и проктологи, а воспоминания пишут все, кто лишь владеет азбукой, эта книга — явление настолько редкое и ценное, что назвать ее просто книгой можно лишь в силу лингвистической привычки. Это — мир, подаренный нам тонким ху-Злобина — это подлинное свидетельство, дожником, жизнь, раскрытая для нас музахватывающее своей удивительной и дрецом, «последний подарок» достойного необычной достоверностью и, что осо- человека нам, пока еще живущим.

анонс

Презентация книги «Хлеб удержания» состоится 28 мая 2013 года в 18.00 часов в арт-клубе «Книги и Кофе»

С.-Петербург, ул. Гагаринская 20, тел. 272-49-90, http://www.bookcoffee.ru

После презентации вас ждет концерт замечательной актрисы и певицы Ирины Евдокимовой (Москва).

Книгу «Хлеб удержания» вы можете приобрести в сети магазинов «Буквоед», а так же в книжном магазине «Порядок слов» (наб. Фонтанки, 15).

Подробная информация — на сайте www.artgnezdo.com

